

Ю.В. Манн

Почему Чичиков окаменел при встрече с губернаторской дочкой

1

Вспомним, когда и при каких обстоятельствах встречается Чичиков губернаторскую дочку.

Это происходит в пятой главе. Чичиков едва вырвался из лап Ноздрева и еще полон неприятных воспоминаний и ощущений. Недобрым словом поминает Ноздрева и кучер Селифан: не накормил толком коней, не дал овса. Казалось, и кони «думали невыгодно об Ноздрева». Словом, скучная проза мелочей, вереница «печалей», из которых, как говорит Гоголь, «плетется жизнь наша».

Через некоторое время новая неприятность. Чичиковская бричка столкнулась и перепуталась постромками со встречной коляской. Начинаются длинные и утомительные попытки распутывания с участием бестолковых дяди Миня и дяди Митя.

И вот посреди неприятных мелочей, сутолоки, канители нашему герою явилось нечто необычное.

Он увидел сидевших в коляске двух женщин.

«Одна была уже старуха, другая молоденькая, шестнадцатилетняя, с золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головке. Хорошенький овал лица ее круглился, как свеженькое яичко, и, подобно ему, белел какою-то прозрачною белизною, когда свежее, только что снесенное, оно держится против света в смуглых руках испытующей его ключницы и пропускает сквозь себя лучи сияющего солнца; ее тоненькие ушки также сквозили, рдея проникавшим их теплым светом. При этом испуг в открытых, остановившихся устах, на глазах слезы — все это в ней было так мило, что герой наш глядел на нее несколько минут, не обращая никакого внимания на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами».

Вначале обратим внимание на портрет незнакомки. Юность, молодость являются в сопровождении старости (другая «была уже старуха») — знаменательный для Гоголя контраст!

Старость всегда означала в его поэтике высшую форму бесчувственности, безжизненности. Помните, в конце «Сорочинской ярмарки», в описании ликующего танца вдруг возникает странно диссонирующая нота:

«Все несло. Все танцевало. Но еще страннее, еще неразгаданнее чувство пробудилось бы в глубине души при взгляде на старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушие могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком».

В «Мертвых душах» этот смысл «старости», ее противопоставление молодости еще значимее: ведь *омертвление* души, как мы выяснили, одна из главных тем поэмы.

Что же касается юной незнакомки, то вся символика ее описания, все краски имеют одну легко различимую направленность. Сравнение с только что снесенным яичком: яичко — это ведь начало жизни, даже еще не жизнь, а ее зародыш. Преобладание одного, белого цвета — цвета невинности, дня, начала. Соприкосновение с лучами солнца, источником и двигателем жизни. И, наконец, полная проницаемость, прозрачность — для лучей, для света, для взгляда, — так контрастирующая с затвердевшей корою старческой неподвижности и одеревенелости.

Какой же была на все это реакция Чичикова? Необычной, неожиданной для такого прозаического, расчетливого человека: он задумался, позабыл про все окружающее.

Рассказчик объясняет это так:

«Везде, где бы ни было в жизни, среди ли черствых, шероховато-бедных и неопратно-плеснеющих низменных рядов ее, или среди однообразно-хладных и скучно-опрятных сословий высших, везде *хоть раз* встретится на пути человеку явление, не похожее на все то, что случилось ему видеть дотоле, которое *хоть раз* пробудит в нем чувство, не похожее на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь».

Значит, это какое-то исключительное, минутное переживание, которое выпадает человеку раз в жизни.

Тем не менее Гоголь старательно отделяет реакцию Чичикова от реакции другого человека, случись ему оказаться в подобном положении:

«Попадись на ту пору вместо Чичикова какой-нибудь двадцатилетний юноша, гусар ли он, студент ли он или просто только что начавший жизненное поприще, и боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило в нем! Долго бы стоял он бесчувственно на одном месте, вперивши бессмысленно очи в даль, позабыв и дорогу, и все ожидающие впереди выговоры, и распеканья за промедление, позабыв и себя, и службу, и мир, и все, что ни есть в мире».

Заметим для будущих наших выводов: последние строки этого отрывка рассказывают, как человек застывает, окаменеет при взгляде на чудесную незнакомку. Но, увы, это не Чичиков окаменеет. Это другой, лишь начинающий свою жизнь...

Размышления же Чичикова («человека уже средних лет и осмотрительно-охлажденного характера») после встречи с блондинкой приняли иное направление; в них было немало положительного и даже пошловатого:

«Ведь если, положим, этой девушке да придать тысячонок двести приданого, из нее бы мог выдти очень, очень лакомый кусочек. Это бы могло составить, так сказать, счастье порядочного человека».

И все же... и все же Чичикову почувствовалось и подумалось в эту минуту нечто такое, что было непохоже на него.

«Но ведь что, главное, в ней хорошо? – размышляет Чичиков о блондинке. – Хорошо то, что она сейчас только, как видно, выпущена из какого-нибудь пансиона или института; что в ней, как говорится, нет еще ничего бабьего, то есть именно того, что у них есть самого неприятного. Она теперь как дитя; всё в ней просто: она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться».

Чичиков подметил и определил — разумеется, в доступных ему понятиях, — в чем обаяние незнакомки: в свежести, в невинности, в незатронутости жизненной пошлостью.

«Скоро, однако ж, показавшаяся деревня Собакевича рассеяла его мысли и заставила его обратиться к своему постоянному предмету» — то есть к приобретению «мертвых душ». Это значит, что необычное для Чичикова, праздничное настроение растаяло и, говоря словами Гоголя, «вновь пошла по-будничному щеголять перед ним жизнь».

Однако Чичикову суждено было во второй раз пережить эти ощущения. И притом острее, по-новому.

2

Восьмая глава. Бал у губернатора. Чичиков, возведенный общественным мнением в «миллионщики», утопает в блаженстве почитания и славы. Снова пестрая вязь мелочей (только эффектных, ярких), из которых «плетется жизнь наша».

И вдруг перед Чичиковым предстала знакомая блондинка.

Вначале обратим внимание на ее портрет.

Чичиков увидел «свеженькую блондинку, с тоненькими, стройными чертами лица, с остреньким подбородком, с очаровательно круглившимся овалом лица, какое художник взял бы в образец для мадонны и какое только редким случаем попадает на Руси, где любит все оказаться в широком размере, все, что ни есть: и горы, и леса, и степи, и лица, и губы, и ноги...»

Портрет этот усилен тем, что через каких-нибудь две-три страницы повторен, дан в связи с позднейшими воспоминаниями Чичикова. Из мглистой, неясной картины бала отчетливо вспоминалась ему блондинка, «ее овально-круглившееся личико, ее тоненький, тоненький стан, какой бывает у институтки в первые месяцы после выпуска, ее белое, почти простое платьице, легко и ловко обхватившее во всех местах молоденькие стройные члены, которые означились в каких-то чистых линиях. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную из слоновой кости; она только одна белела и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы».

Знакомые черты, знакомая символика! То же преобладание белого цвета; та же овально-круглящаяся линия, словно абрис «свеженького яичка»; та же полная проницаемость и прозрачность.

Но что-то звучит в этом описании теплее и возвышеннее. Может быть, чуть прикрытый намек на хрупкость — хрупкость красоты в этой жизни: девушка уподоблена выточенной из слоновой кости игрушке; а перед этим был оттенен ее «тоненький, тоненький стан» (не переломится ли?). А может быть, более резкое, чем в прежнем описании, отъединение красавицы от всего окружающего («редким случаем» попадаются такие лица; «она только одна... выходила прозрачною из толпы»). А может быть, промелькнувший облик мадонны... Хотя это не полное сравнение с мадонной — сказано осторожнее (лицо, «какое художник взял бы в образец для мадонны»), но уже возможность подобных ассоциаций освящала, в глазах Гоголя, чистоту и исключительность девушки особым смыслом.

Обратим также внимание на слова: «...белела и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы». За этой фразой можно почувствовать фон мифологического образа: выходящей из пены богини красоты Афродиты...¹

В то же время в этом портрете удержаны черты совсем неромантические, но почти вседневные, бытовые. «Свеженькая блондинка», «остренький подбородок», «простое платьице» — так ведь скажешь не о божественной красавице, а о молоденькой девушке, институтке, может быть, провинциалке.

А какой была на этот раз реакция Чичикова?

«Чичиков так смешался, что не мог произнести ни одного толкового слова и пробормотал черт знает что такое, чего бы уж никак не сказал ни Гремин, ни Звонский, ни Лидин».

Модные фразеры, ловкие щеголи, которых любила изображать романтическая повесть, не терялись в подобных ситуациях и умели изъясняться с красавицами галантно и афористично. Но много ли было за подобными словами истинного чувства? Одно из названных Гоголем имен — Гремин — ведет к герою популярной в то время повести Марлинского «Испытание». Как раз о способе изъяснения этого Гремина Белинский писал:

«Боже мой, сколько в его словах претензий на остроумие... И это ли язык чувства, весь склеенный из азбучных афоризмов, ходячих сентенций и острот, вычитанных из плохих романов! Какая в разговоре Гремина бессердечность, холодность! Какое отсутствие всякой естественности!»

Выходит, что немота Чичикова выше потока красноречия Греминых. По крайней мере, в ней есть доля истинного переживания.

Рассказчик, как и в первый раз, предостерегает: не преувеличивайте силу переживаний Чичикова:

---

¹ Развитие какого-либо образа на фоне другого образа не означает их отождествления, уравнивания. Наоборот, новый образ, новый стилистический оборот и т. д. обычно переосмысливает традиционный образ, используя и изменяя его смысловые оттенки.

«Нельзя сказать, наверно, точно ли пробудилось в нашем герое чувство любви, даже сомнительно, чтобы господя такого рода... способны были к любви».

Но и предостерегая, рассказчик всемерно настаивает на необычности этого чувства, как бы приоткрывшего в себе что-то неожиданное и для него и, тем более, для самого персонажа:

«...но при всем том здесь было что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить: ему показалось, как сам он потом сознавался, что весь бал, со всем своим говором и шумом, стал на несколько минут как будто где-то вдали...»

Словно какая-то сила вырвала «на несколько минут» Чичикова из будничного мельтешения, из потока пошлости и прозы, с которыми он был слит каждой клеткой своего существа. Заметим еще одну подробность: «как он сам *потом* сознавался». Значит, этой встрече суждено было запомниться Чичикову? Играть какую-то роль в последующих событиях его жизни?.. Прочтем еще одно место.

«Видно, так уж бывает на свете, видно, и Чичиковы, на несколько минут в жизни, обращаются в поэтов; но слово поэт будет уже слишком. По крайней мере, он почувствовал себя совершенно чем-то вроде молодого человека, чуть-чуть не гусаром».

Вы видите, как Гоголь осторожен, как он постоянно одергивает, уточняет самого себя: смущение, но не «чувство любви», похож на «поэта», но не «поэт»... И все же какое необычно высокое переживание для пошлого Чичикова! И насколько оно уже сильнее его реакции при первой встрече с незнакомкой!

Там, мы помним, Чичиков решительно противопоставлялся юноше, попади тот в подобное положение. Здесь в Чичикове подмечено нечто похожее на волнение молодой крови. Там не могло быть и речи о сходстве Чичикова с «гусаром». Здесь наш герой почувствовал себя «чуть-чуть не гусаром», что, кстати, не ускользнуло от внимания молодого Чернышевского. В своем дневнике будущий критик сделал пометку: «Дивился глубокому взгляду Гоголя на Чичикова, как он видит поэтическое или *гусарское* движение его души».

Наконец, при первой встрече подчеркнуто, что не Чичиков, а другой, «только что начавший жизненное поприще», недвижно застыл бы при взгляде на красавицу: «Долго бы стоял он бесчувственно на одном месте, вперивши бессмысленно очи в даль...» и т. д. А теперь? Теперь испытать подобное пришлось Чичикову: «...невзначай поднявши глаза, остановился вдруг, *будто оглушенный ударом*».

3

Почему же Чичиков окаменел при встрече с губернаторской дочкой?

Для ответа на этот вопрос нужно выяснить, что означает у Гоголя окаменение вообще.

В гоголевских произведениях подобные ситуации встречаются очень часто. Многие его персонажи застывают, окаменевают, лишаются способности говорить и т. д. Обычно это случается в такие минуты, когда действие достигает высшей кульминационной точки.

Легко вспомнить пример такого рода окаменения — «немую сцену» «Ревизора». В этой сцене участвуют все персонажи, находящиеся на сцене; «вся труппа, — как указывает авторская ремарка, — вдруг переменивши положение, остается в окаменении».

Но помимо большой «немой сцены», у Гоголя можно встретить массу маленьких «немых сцен», в которых окаменевают три, два, а иногда и один персонаж.

Какие же значения передают обычно гоголевские «немые сцены», ситуации окаменения?

В повестях цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», близких к фольклорной основе, персонажи часто окаменевают при столкновении с непонятной, сверхъестест-

венной силой. В «Сорочинской ярмарке», в тот момент, когда в окно выставилась страшная свиная рожа... поводя очами, как будто спрашивая: «А что вы тут делаете, добрые люди?» — с персонажами происходит следующее: «Ужас оковал всех, находившихся в хате. Кум с разинутым ртом превратился в камень; глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить; разверзтые пальцы остались недвижимыми на воздухе». Люди поражены страшным ударом, так как они не могут объяснить себе происходящего и так как в обличье этих фантастических сил в земную жизнь вторгается злое начало.

Но во многих произведениях Гоголя, особенно в более поздних, фантастические силы уходят из игры, однако «немые сцены» по-прежнему встречаются. Приведем только несколько примеров из «Мертвых душ».

Во второй главе, когда Чичиков сообщает Манилову о своем желании «приобрести мертвых»: «Манилов выронил тут же чубук с трубкою на пол и, как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут. Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимы, вперея друг в друга глаза, как те портреты, которые вешались в старину один против другого по обеим сторонам зеркала».

В девятой главе, когда дама приятная во всех отношениях сообщила, что Чичиков «хочет увезти губернаторскую дочку»: «Это заключение, точно, было никак неожиданно и во всех отношениях необыкновенно. Приятная дама, услышав это, так и окаменела на месте...»

В той же главе, несколько позже, когда обе дамы отправились «бунтовать город», то есть оделять всех своей новообретенной новостью: «Всякой, как баран, остановился, выпучив глаза...»

Хотя мы не можем сейчас подробно разбирать эти и многие другие примеры, но ясно одно: и в данном случае персонажи поражены какой-то очень важной для них, непонятной новостью. И в данном случае взгляду открывается, как говорил Гоголь, «кутерьма, сутолока, сбивчивость...»

Похоже ли окаменение Чичикова на эти случаи? В какой-то мере похоже. И Чичикова поражает необычайное событие, как бы захватывая его врасплох, сменяя привычное течение мыслей и чувств. Но факт этот сам по себе уже иной, чем, скажем, та новость, которую услышали Манилов или «приятная дама».

Чтобы понять данный случай, необходимо сказать еще об одном значении гоголевских «немых сцен». Ярче всего оно отразилось в повести «Рим».

В «Риме» рассказывается о замечательной красавице итальянке Аннунциате. И вот какое действие производит ее красота на других:

«...Повстречав ее, останавливаются как вкопанные: и щеголь миненте с цветком за шляпой, издавши невольное восклицание; и англичанин в гороховом макинтоше, показав вопросительный знак на неподвижном лице своем; и художник с вандиковской бородкой, долее всех остановившийся на одном месте...»

Таково в полном смысле слова *поражающее* действие красоты. Ведь красота открывает простым смертным высшее чудо гармонии и совершенства и, следовательно, сопричастна таким понятиям, как благо, человеколюбие. Не забудем, что в представлении Гоголя женская красота освящена высшим значением, что она противостоит всему мелочному, корыстному, пошлому и что ее воздействию особенно подвержены люди душевно чуткие, впечатлительные, чистые. Таков художник из повести «Рим».

Чичиков — конечно, не художник («не поэт», — говорит Гоголь). Его переживание несравнимо слабее и мельче. Кроме того, это редкие, исключительные минуты его жизни. Но характерно уже, что они были. Для Ноздрева или для Собакевича невысказанные исключения, а для Чичикова они возможны. И им, судя по всему, отводится в поэме особое место. Почему? Ответ на этот вопрос заключен в особенностях обрисовки главных

персонажей и в той роли, которую Гоголь предназначал им играть в дальнейшем развитии поэмы.

4

И Чичиков, и Ноздрев, и Собакевич, и десятки других персонажей — это все разные лики жизненной пошлости, воплощение «характеров скучных, противных, поражающих печальною своею действительностью». С этой точки зрения у Чичикова нет и не может быть никаких отличий от других героев. Но в самой основе, в самой, так сказать, структуре этого характера Гоголем положены некоторые иные начала.

Заметили ли вы, что у большинства персонажей поэмы нет прошлого? О прошлом Коробочки сообщается лишь то, что у нее был муж, который любил, когда ему чесали пятки. О прошлом Собакевича не известно ничего, кроме того, что его отец отличался отменным здоровьем и один хаживал на медведя. «Ноздрев в тридцать пять лет был *таков же совершенно*, каким он был в осмнадцать и в двадцать». Манилов, упоминается вскользь, служил в армии, где «считался скромнейшим и образованнейшим офицером», то есть тем же Маниловым. Было ли у них детство, отрочество? Конечно, было. Учились ли они чему? Вероятно, учились. Но обо всем этом нам не сообщается, словно это не имеет прямого отношения к делу. Были ли в их жизни какие-нибудь запоминающиеся события, яркие переживания? Едва ли. Во всяком случае, и об этом не сообщается ничего.

Иное дело — Чичиков. Его «кисло-неприятное» детство; первые уроки бережливости, преподанные отцом; годы ученья, годы службы в «казенной палате» и на таможне — словом, вся его прошлая жизнь проходит перед нами. Вплоть до той минуты, когда Чичикова осенила мысль о приобретении «мертвых душ», то есть почти до начала действия поэмы.

С этим связано и другое различие. Подавляющее большинство героев поэмы, подобно Манилову или Ноздреву (о чем мы только что говорили), не знает никаких изменений. Нам неизвестно, когда и при каких жизненных обстоятельствах возникли те черты, которые составляют их физиономию. Словно таковыми их произвела на свет мать-природа. Произвела раз и навсегда.

Иное дело Чичиков. Его характер развернут перед нами в биографию. Мы видим, как постепенно, от одного события к другому, развивается и растет в нем страшный червь наживы и хищничества.

Еще одно отличие. Большинство персонажей поэмы живет и действует почти инстинктивно, безотчетно. Что они думают по поводу своих поступков и думают ли что-нибудь вообще, нам неизвестно.

Иное дело — Чичиков. Интересно следующее место. После одной из своих неудач — увольнения с таможни за контрабанду — Чичиков размышляет:

«Почему ж я? Зачем на меня обрушилась беда? Кто ж зевает теперь на должности? — все приобретают. Несчастливым я не сделал никого: я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру... Зачем же другие благоденствуют, и почему должен я пропасть червем?.. И что скажут потом мои дети? “Вот”, скажут, “отец, скотина, не оставил нам никакого состояния!”»

Перед нами цепь моральных доводов самого разного свойства: и кивок в сторону других (другие не лучше!), и самооправдание (не делал никому во вред, брал «от избытков»), и даже угрызения совести. Последнее особенно любопытно своей наивной перетасовкой всех моральных норм: Чичиков мучается не тем, что преступил закон, а тем, что сделал это неудачно и не скопил «состояния».

Но как бы то ни было, это все — размышления, сопровождающие поступки Чичикова, своего рода попытка уяснить их, дать себе в них отчет. У других персонажей поэмы подобного не встретишь. Им свойственно поступать как существам более низкой духовной организации, чуть ли не как животным.

И, наконец, еще одно, совсем неожиданное отличие. «Страсть» Чичикова, овладевший им порок в определенном смысле уже, чем у других персонажей. Попробуйте определить в двух словах, в чем особенность Ноздрева, — едва ли вам это удастся. Ноздрев хвастлив и каверзен, «разбитной малый» и тонкий плут... Никак нельзя одним определением обозначить этот характер, и Гоголь не дает такого определения. Его фраза, что Ноздрев «был в некотором роде исторический человек», — не определение: эта фраза во многом ироническая и описательная (перифрастическая).

А вот Чичикову автор находит возможным дать определение.

«Справедливее всего назвать его: хозяин, *приобретатель*. Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых*».

Разумеется, и Чичиков очень сложен, гораздо сложнее и Ноздрева и любого другого персонажа поэмы. И его характер одним определением не исчерпашь. Чичиков вкрадчив, льстив; когда нужно, высокомерен, упорен, настойчив... да мало ли что еще можно сказать об этом удивительно многоликом и гибком человеке. Но все же его главную страсть или, как говорил Гоголь, «задор» можно обозначить довольно определенно — «приобретатель».

Из всех других персонажей первого тома поэмы только один строится на тех же основах, что Чичиков. Это — Плюшкин.

И у него есть прошлое: когда-то он был нормальным человеком, рачительным хозяином, отцом и семьянином. И его характер развернут перед нами в постепенных изменениях, в постепенном обмелении и развитии губительной страсти. И сама страсть его более определенная и в этом смысле более узкая. Правда, Гоголь ее специально не определяет, по мы-то без труда можем это сделать, произнеся лишь одно слово: скупость.

Но вернемся к Чичикову. Может быть, то, что мы сказали, делает его лучше остальных персонажей поэмы? Наоборот, хуже. Ведь он мог бы быть и другим человеком, его действия сопряжены с определенным осознанием, размышлением, и он далеко не так примитивен. И значит, с него и спрос другой.

Теперь нам будет понятно замечание молодого Чернышевского о Чичикове: «это характер самый трудный».

Но как раз трудностью и сложностью Чичикова предопределено не только его центральное место в первом томе поэмы, но и его предполагаемый жизненный путь в последующих томах. Я говорю о замысле Гоголя провести Чичикова через искушение собственничества, через жизненную грязь и мерзость к нравственному возрождению. Выполним был такой замысел или нет, но Ноздрев или Коробочка едва ли подошли бы писателю для этой роли.

А Чичиков подошел. Ведь, имея за спиною прошлое, он мог иметь и будущее. Развиваясь во времени, он способен претерпевать изменения. Да и сосредоточенность Чичикова на одной «идее», определенность страсти облегчили бы исправление. Легче освободиться от определенного «порока» (собственничества, например), чем от порочности вообще. Что, например, нужно сделать Собакевичу, чтобы измениться? Стать менее прижимистым? Более обходительным?.. Что ни придумывай, а путь исправления никак не вяжется с обликом этого персонажа. словно этот характер не достиг еще той определенности, того сравнительно высокого уровня, с которого становится видна перспектива в будущее.

Гоголь в первом томе поэмы намекнул на будущее перерождение Чичикова и на тот назидательный урок, который получает в связи с этим его «страсть» — приобретение.

«И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес».

Не следует думать, что Гоголь в следующих томах — втором и третьем — готовил своему герою гладкий путь возрождения. Гоголь прекрасно видел, как заражен современный ему человек духом наживы, собственничества, как его развратили века рабства, лжи и социальной несправедливости. Во втором томе поэмы, как можно судить по сохранившимся главам, жизненный путь Чичикова — это новые преступления и срывы: Чичиков подделывает завещание, попадает в тюрьму... Но уже звучит в нем и другой голос.

Вот одно характерное место. В тюрьме после поучения добродетельного откупщика Муразова на Чичикова нахлынули необычные чувства.

«Что-то странное, какие-то неведомые дотоле, незнаемые чувства, ему необъяснимые, пришли к нему. Как будто хотело в нем что-то пробудиться, что-то подавленное из детства суровым, мертвым поученьем, бесприветностью скучного детства, пустынностью родного жилища, бессемейным одиночеством, нищетой и бедностью первоначальных впечатлений и как будто то, что было подавлено суровым взглядом судьбы, *взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутно-занесенное зимней вьюгой окно*, хотело вырваться на волю».

Двойко соотнесены эти строки с первым томом поэмы. «...Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко», — читали мы о Чичикове в XI главе, в начале его пути. И теперь писатель воскрешает в нашей памяти этот образ. Вот как далеко простерлось гнетущее влияние судьбы: на всю жизнь Чичикова, до самых зрелых лет.

А начало этого отрывка, самая первая его фраза («что-то странное, какие-то неведомые дотоле, незнаемые чувства...»), ведет нас в обратном направлении — от нынешнего необычного чувства Чичикова к его проблескам, которые мелькали еще в первом томе. «...Здесь было что-то такое странное, что-то в таком роде, что он сам не мог себе объяснить». Это сказано о переживании Чичикова при встрече с блондинкой.

Как дальние предвестия будущего возрождения сверкают в первом томе необычные минуты в жизнеописании Чичикова, его способность откликаться на женскую красоту.

Вот почему Чичиков окаменел при встрече с блондинкой. Все это позволяет глубже взглянуть на внутреннюю историю поэмы. Было бы неверно думать, что Гоголь лишь после окончания первого тома пришел к мысли об исправлении Чичикова. Нет, эта мысль почти современна замыслу поэмы, по крайней мере она явилась еще в разгар работы над первым томом. Уже тогда, говоря современным языком, Гоголь «заложил» эту идею в состав поэмы, и она стала активно участвовать в формировании ее поэтики. Участвовать таким образом, что надежды на духовное возрождение писатель стал связывать не с кем другим, как с пошлым, низким человеком. Но, конечно, это были пока только предпосылки будущего хода событий.

Исправиться же Чичиков должен был уже к самому концу повествования — в третьем томе. И не один: есть свидетельства, что писатель намеревался привести к возрождению еще одного персонажа первого тома — Плюшкина. Это намерение не покажется нам странным после того, что мы говорили о сходстве Плюшкина с Чичиковым.

Но как искусно ни подготавливал Гоголь будущую судьбу своих персонажей, какие глубины сердцеведения при этом ни обнаруживал, их исправление давалось ему с трудом. Ведь оно зависело не только от художнической воли Гоголя, но и от объективного материала.

«Много, слишком много обещано, — писал Белинский после выхода первого тома, — так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет еще на свете».

Против Гоголя тут была сама жизнь. Да еще его талант, бескомпромиссно последовательный и верный правде.